

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЭТИЧЕСКОГО И ПРОЗАИЧЕСКОГО НАЧАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ГАРШИНА

А. И. Нестер

annanoy91@gmail.com;

Научный руководитель – Л. Л. Авдейчик, кандидат филологических наук, доцент

Доклад посвящен анализу взаимодействия поэтических и прозаических произведений В. М. Гаршина. На материале объектов исследования (стихотворения «Пленница» (1876), «28 сентября 1883 года» (1883); рассказы «Attalea princeps» (1880), «Красный цветок» (1883)) прослеживается межродовое взаимодействие текстов автора, отстаивается формально-содержательное единство художественного текста и констатируется жанровая обусловленность его лингвостилистических особенностей.

Ключевые слова: лирика В. М. Гаршина; взаимосвязь поэзии и прозы; «Attalea princeps»; «Красный цветок»; межродовое взаимодействие.

Творческое наследие В. М. Гаршина сравнительно невелико, однако в его исследовании осталось множество «белых пятен», к числу которых можно отнести изучение его поэзии. Лирика Гаршина интересна как с точки зрения отдельного пласта литературного творчества автора, так и в контексте взаимодействия с его рассказами и новеллами.

Сопоставление поэтического и прозаического начал, попытки их разграничить и предоставить для этого состоятельные, однозначные критерии не теряют своей актуальности по сей день, вполне вероятно, без перспективы однозначного объективного разрешения. А. И. Николаев, современный литературовед, рассматривает различные теории и концепции, обращаясь и к «закону единства и тесноты стихового ряда» Ю. Н. Тынянова, и к фонетической и графической теориям, с опорой на труды В. М. Жирмунского и Ю. Б. Орлицкого соответственно. Большинство стиховедов, однако, отстаивают принцип системности (Б. М. Томашевский, Л. И. Тимофеев, М. Л. Гаспаров и др.) [4].

В более широком смысле в рассмотрение можно включить романы со стихотворными вставками – авторскими и позаимствованными («Метаморфозы, или Золотой осел», Апулей, «Улисс», Д. Джойс, «Доктор Живаго», Б. Л. Пастернак и др.). Наиболее же близкую к анализируемой ситуацию представляют лирические драмы А. А. Блока, генетически восходящие к его же одноименным стихотворениям («Балаганчик», «Король на площади», «Незнакомка»). В этом случае мы говорим о синтезе драматического и поэтического. Интерес к межжанровому и межродово-

му взаимодействию в художественной литературе возобновился в эпоху модернизма и постмодернизма, однако корнями уходит в далекое прошлое (древнеиндийская «Панчатантра», фольклор разных народов мира).

Стихотворение «Пленница» датировано 3 марта 1876 года. Сказка «*Attalea princeps*» с практически аналогичным сюжетом впервые появляется в первом номере «Русского богатства» 1880 года, спустя практически четыре года. Изначально она была передана М. Е. Салтыкову-Щедрину для «Отечественных записок» еще в марте 1879 г., но в ней была «усмотрена аналогия». Автор же категорически отрицал аллегоричность сюжета, утверждая даже, что задокументировал реально произошедший случай в оранжерее в Санкт-Петербурге [2, с. 415–416].

Семантическая доминанта произведений – бинарное противопоставление героико-романтического образа пальмы и чуждого мира, прекрасной свободной родины и вынужденного заточения. Подчеркивается это и использованием одинаковых средств языковой выразительности («прекрасная пальма», «чуждая природа», «холодное солнце (небо)», «узорчатые стекла рам»). Безусловно, в сказке, благодаря большому объему, происшествие описано подробнее. Стихотворение, по сути, начинается с ее кульминации:

Прекрасная пальма высокой вершиной
В стеклянную крышу стучит;
Пробито стекло, изогнулось железо,
И путь на свободу открыт [1, с. 370].

В прозаическом варианте мы узнаем предысторию этого отчаянного поступка, погружаемся в жизнь пальмы вдали от дома, раскрываются ее взаимоотношения с другими представителями флоры. Важно отметить и эпизод с бразильцем, который называет пальму «родным, настоящим именем» [1, с. 93]. Вынужденное отречение от имени и присвоение ботанического варианта «*Attalea*» трактуется как потеря собственной идентичности, утрата личности. Кроме того, пальма агитирует и других присоединиться к своему плану по вызволению, чтобы вместе противостоять обстоятельствам (в чем многие современники и усмотрели социально-политическую подоплеку), однако растения отказываются, боясь такой дерзостью только усугубить свое положение. Примечательно в этом контексте и название сказки: «В философском значении *princeps* означает основное правило, руководящее положение, в военном значении – первые ряды, передовая линия» [5].

Финал в произведениях тоже несколько разнится. В стихотворении поведение пальмы преступно, «безжалостный нож» отделяет от нее

«царский венец», товарищи пальмы трепещут от страха и горя, но при этом надежда на продолжение борьбы есть:

И снова заделали путь на свободу,
И стекла узорчатых рам
Стоят на дороге к холодному солнцу
И бледным чужим небесам [1, с. 370].

В сказке все отнюдь не так возвышенно: растения, помимо маленькой травки, наблюдают за ростом пальмы настороженно, язвительно комментируя их. Вырвавшись на свободу, как и в поэтическом тексте, она не находит желанного счастья: все по-прежнему чуждо, враждебно и уныло. К тому же условия по ту сторону оранжереи становятся непригодными для жизни южного растения. Происшествие воспринимается работниками ботанического сада как собственное достижение, устранить же ее в итоге решают не из-за бунтарского нрава, а лишь по причине сложностей в содержании и потенциально больших затрат на специальный колпак для высвободившейся верхушки. Конец прозаичен и пессимистичен («...прямо на мертвую пальму, лежавшую в грязи и уже полужасыпанную снегом» [1, с. 99]).

В обоих произведениях образ пальмы символичен, однако в стихотворении он более схематичен, романтичен, условен. *Attalea* в сказке рефлексировать, осмысливает свою борьбу и тот факт, что практически никто не осознает и не воспринимает ее должным образом, да и сама борьба за желанную свободу в итоге оказывается самоубийством, что влияет на пафос произведения и заставляет реципиента посмотреть на ситуацию с другого ракурса.

Стихотворение «28 сентября 1883 года» появилось не многим ранее программного рассказа «Красный цветок», впервые размещенного в десятом номере «Отечественных Записок» за 1883 год [2, с. 418–419]. Связь произведений может не показаться очевидной на первый взгляд, однако посвящение почившему в августе того же года И. С. Тургеневу расставляет все на свои места. Писатели были достаточно близки, хоть лично встретиться им так и не удалось. И хотя в отношении этой поэтически-прозаической пары о тематико-идейном единстве и общих сюжетно-композиционных принципах построения говорить нельзя, определенная когезия в текстах прослеживается.

«28 сентября 1883 года» представляет собой панегирическую эпитафию с весьма каноничным для жанра набором лингвостилистических средств. Отметим также интертекстуальное включение – аллюзию на пушкинского «Пророка», аллегорически присоединяющую почившего к сонму великих классиков:

Но чистые твои глаголы

Все будут жечь сердца людей [1, с. 371–372].

Противопоставление тленного материального мира земных благ и вечной славы настоящего искусства характерен и для «стихотворений-памятников», восходящих еще к Горацию и многократно представленных в русской литературе (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. И. Цветаева, И. А. Бродский и др.).

«Красный цветок» – произведение во многом интроспективное и сублимативное. Невероятное сочетание натурализма и фантасмагории, сложное переплетение реального и символического достигают своего апогея в неоднозначном финале произведения. С точки зрения главного героя, смерть – искупление, плата за победу над злом в глобальном понимании. В рамках собственного сознания он спасает мир, а то, что эта добровольная жертва не понята и не принята окружающими, отходит на второй план. Как и в стихотворении, смерть физическая, телесная не отождествляется, частично противопоставляется смерти духа, идеи.

Примечательно, что составляющими анализируемых пар стали одни из наиболее популярных текстов автора. «Пленница» и «28 сентября 1883 года» достаточно традиционны формально и содержательно, в то время как «Attalea princeps» и «Красный цветок» стилистически сложнее и многограннее, в них обнаруживается влияние модернистских течений. Интерпретация некоторых семантических нюансов в них неоднозначна. В. М. Гаршин в прозе чувствовал себя органичнее и увереннее, в значительно меньшей степени, благодаря чему стала возможна некоторая экспериментальность, свидетельствующая об ощущении большей творческой свободы самовыражения. Все анализируемые произведения связывает архетип жертвы (во имя свободы, искусства, человечества), восходящий к образам Христа (возвышенная, сакральная коннотация) и Дон Кихота (сниженная, ироничная коннотация).

Таким образом, исследование взаимосвязи поэтического и прозаического начал в творчестве В. М. Гаршина продемонстрировало разность реализации одной и той же или близкой в смысловом отношении идеи в рамках разных жанров, влияние формального аспекта на содержательный и роль субъективной авторской модальности в художественной литературе.

Библиографические ссылки

1. *Гаршин В. М.* Сочинения / [Вступ. статья и примеч. Г. А. Бялого]. Москва : Гослитиздат, 1955.
2. *Гаршин В. М.* Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма / Сост. В. И. Порудоминский. М., 1984.
3. *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения: Уч. пособие. 3-е изд. М. : Флинта, Наука, 2000.
4. *Николаев А. И.* Основы литературоведения: учебное пособие для студентов филологических специальностей. Иваново : ЛИСТОС, 2011.
5. *Федотов В. С.* Быль и сказки Гаршина // Нева. 2012. № 7.